

III.

Познанія и умъ Грознаго.

Иванъ почерпнулъ много свѣдѣній изъ своего разносторонняго чтенія; но онъ не смогъ должнымъ образомъ продумать этотъ матеріалъ и привести его въ порядокъ въ собственной головѣ. Въ первые годы царствованія правленіе бояръ оставляло Ивану много досуга и вынуждало его замыкаться въ свой собственный внутренній міръ,

гдѣ онъ пребывалъ въ ожесточенномъ уединеніи. Въ эту пору Иванъ читалъ все, что попадало ему подъ руку и возбуждало его любознательность. Онъ глоталъ священное писаніе и римскую исторію, русскія лѣтописи и византійскіе хронографы, творенія отцовъ Церкви и житія святыхъ. Отсюда царь почерпнулъ множество мыслей: изъ нихъ онъ выбиралъ, по преимуществу, тѣ, которыя, по его мнѣнію, относились къ нему, касались его собственнаго положенія или предсказывали ту роль, которую онъ мечталъ сыграть. Въ перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ мы находимъ, въ нѣкоторомъ родѣ, инвентарь прибрѣтенныхъ такимъ образомъ познаній; тутъ же мы видимъ, какъ сумѣлъ царь воспользоваться этимъ матеріаломъ. Посланія Ивана къ бѣглому князю представляютъ собою памфлетъ въ двухъ частяхъ, направленный противъ бояръ; къ нему присоединяется разсужденіе о верховной власти. Какъ здѣсь, такъ и тамъ Иванъ аргументируетъ цитатами, приводимыми, очевидно, на память. По большей части, текстъ этихъ цитатъ не вполне точенъ; впрочемъ, едва ли можно предположить, что Иванъ сознательно допускалъ подобныя искаженія. Въ изложеніи царя Григорій Назіанзинъ чередуется съ Иваномъ Златоустомъ, пророкъ Исаія съ Моисеемъ, библія съ греческой міеологіей, Илиада и заимствованныя древней русской словесностью сказанія о взятіи Трои—съ Евангеліемъ и его апокрифическими глоссами. Все это смѣшивается самымъ причудливымъ образомъ, причемъ мы встрѣчаемъ удивительныя сочетанія именъ. Зевсъ и Діонисъ оказываются въ сосѣдствѣ съ Авимелехомъ и Гедеономъ, Эней съ Гензерихомъ, царемъ савроматовъ (sic)... Иванъ пишетъ даже Зинзирихъ... Мы поражаемся самыми невѣроятными анахронизмами. Мы находимъ смѣлыя политическія максимы рядомъ съ неожиданными философскими разсужденіями. Курбскому подобная литература казалась болтовнею старой бабы. Но весь этотъ сумбуръ воспоминаній и чувствъ, весь этотъ чудовищный хаосъ идей и образовъ слагается, несомнѣнно, въ одно цѣлое. При ближайшемъ разсмотрѣніи, мы различаемъ тонкую, но никогда не рвущуюся нить, которая связуетъ весь этотъ матеріалъ воедино. Она превращаетъ его въ страстную защиту власти, какъ понимаетъ ее авторъ, т. е. власти единой и безусловной, божественной по природѣ и недосягаемой для обыкновенныхъ смертныхъ. И, право же, совѣмъ не важно, что этотъ писатель-самоучка смѣшиваетъ событія и эпохи... Пусть говоритъ онъ о раздѣлѣ восточной имперіи при Львѣ Армя-

нинѣ; пусть ошибается на два столѣтія, опредѣляя время завоеванія Персіи арабами. Вся эта варварская эрудиція не стоитъ ничего. Важны лишь тѣ чувства и идеи, которыя проникаютъ эту безпорядочную грудку фактовъ. Передъ нами—пылкій деспотъ, оперирующій такими данными, которыхъ не знали ни отецъ его, ни дѣдъ. Въ своихъ познаніяхъ онъ черпаетъ доводы въ пользу теоріи, о которой тѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія или, по крайней мѣрѣ, нисколько не задумывались. Видя это, мы понимаемъ, что на нашихъ глазахъ рождается новый міръ. Этого одного достаточно, чтобы прославить необыкновеннаго государя, который первый въ своей странѣ проявилъ, если не новыя научныя познанія, то, во всякомъ случаѣ, инстинкты, вкусы и страсти новаго человѣка.

На впечатлительную натуру Ивана воспоминанія дѣйствовали такъ же, какъ и самыя событія. Они господствовали надъ его мыслью и управляли его словомъ. Поэтому вся его эрудиція, въ безпорядкѣ хранимая памятью, властвовала надъ нимъ не меньше, чѣмъ онъ самъ ею пользовался. Она заставляла его каждую минуту переходить отъ одного предмета къ другому; она диктовала ему самыя неожиданныя отступленія... Съ другой стороны, его неизмѣнная страстность и раздражительность, всегда пробуждавшаяся въ немъ во время письма, мѣшали ему съ должнымъ разборомъ пользоваться своими познаніями. Онъ не взвѣшивалъ того, что попадало ему подъ руку; онъ пускалъ въ ходъ всѣ средства, не спрашивая себя о ихъ пригодности.

Итакъ, Иванъ любитъ выставить напоказъ все, что знаетъ, или то, по крайней мѣрѣ, что ему кажется знаніемъ. Опѣнивая его съ литературной точки зрѣнія, мы должны признать въ немъ полемиста чистой воды. Правда, Грозный всегда чересчуръ словоохотливъ и даже болтливъ. Но, при всѣхъ своихъ отступленіяхъ и разглагольствованіяхъ, онъ отлично умѣетъ замѣтить какъ сильную, такъ и слабую стороны своего противника. Поэтому онъ всегда старается нанести ему ударъ въ самое чувствительное мѣсто. Курбскій былъ человѣкомъ ученымъ въ духъ того времени—другими словами, начитаннымъ. Грозный старается подавить его своей собственной книжной премудростью; при этомъ онъ убѣжденъ, конечно, не безъ основаній, что его противникъ не сможетъ провѣрить точность его цитатъ. Однако, Иванъ знаетъ, что Курбскій не только ученъ, но и религіозенъ; поэтому онъ не упускаетъ случая нанести ему ударъ и съ этой

стороны. Онъ изображаетъ, какъ этотъ бѣглый бояринъ вмѣстѣ съ поляками разрушаетъ православныя церкви; онъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ топчетъ ногами святыя иконы и, какъ Иродъ, избиваетъ невинныхъ младенцевъ... Грозный оплакиваетъ эти жертвы; онъ льетъ слезы и надъ самимъ палачомъ. Еще бы! Онъ любитъ лиризмъ и никогда не откажется удариться въ пафосъ. Курбскій упомянулъ о крови, пролитой имъ на службѣ царя. «Мы же,—отвѣчаетъ ему Иванъ,—«проливали потъ и слезы отъ вашего неповиновенія...»

Нельзя не согласиться съ *Ключевскимъ*, что въ этой риторикѣ меньше убѣжденія, нежели желанія убѣдить, болѣе фосфорическаго блеска, нежели настоящаго жара. Но было бы анахронизмомъ искать въ XVI вѣкѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ со схоластикой, ту искренность чувствъ, которую умѣетъ проявлять душа новаго человѣка. Нѣкоторые хотѣли видѣть въ письмахъ Грознаго произведеніе коллективнаго творчества, въ которомъ принимали участіе любимцы царя. Между прочимъ, такую гипотезу поддерживалъ *Михайловскій*, этотъ проницательный, но нѣсколько тенденціозный критикъ: онъ заимствовалъ ее у автора одного дряннаго романа (Князь Курбскій, *Одорова*, 1843 г.). Однако, она падаетъ уже при поверхностномъ знакомствѣ съ источникомъ. Самъ Михайловскій признаетъ за нимъ рѣдкое единство построенія и стиля: личность автора, его «когти»—чувствуются здѣсь въ каждой строкѣ.

Конечно, въ идейномъ движеніи своей эпохи Иванъ не занимаетъ перваго мѣста. Мало того, въ той борьбѣ, которая шла между нравственными идеалами суровыхъ старцевъ и испорченностью большинства, Грозный примыкаетъ не къ достойнѣйшей сторонѣ; тѣмъ не менѣе, нельзя сказать про него, что онъ дѣйствуетъ заодно съ самыми худшими элементами. Въ этомъ конфликтѣ лицомъ къ лицу стояли два враждебныхъ полюса. Съ одной стороны, были отшельники-аскеты; съ другой—отчаянные головорѣзы, которые также утратили связь съ обществомъ. Иванъ занялъ срединное положеніе. Безспорно, онъ былъ богато одаренъ отъ природы; но для представителя благороднѣйшихъ стремленій избранной группы ему не доставало ни ума, созрѣвшаго въ научныхъ занятіяхъ, ни должной возвышенности сердца. Мы помнимъ, что на Стоглавомъ Соборѣ царь намѣренъ былъ поддержать партію реформъ; однако, онъ не выдержалъ этой роли, виною чего были не столько недостатокъ энергіи, сколько шаткость собственныхъ убѣжденій. Въ религіозныхъ вопросахъ Иванъ оста-

вался, въ сущности, человѣкомъ старой школы: для него ношеніе бороды или однопорядки имѣть то же значеніе, что и догмать вѣры. Ученіе Нила Сорскаго только скользнуло по Грозному, но не проникло въ его сознаніе. Съ другой стороны, у Ивана недоставало средствъ приобщиться къ болѣе широкимъ культурнымъ теченіямъ Запада въ области научнаго знанія и искусства. Европа все еще была слишкомъ далеко, а Московское государство оказывалось чрезчуръ отсталымъ, по сравненію съ западнымъ міромъ. Иванъ рѣшилъ прибѣгнуть къ самому простому и быстро дѣйствующему средству. Онъ захотѣлъ получить отъ своихъ сосѣдей внѣшнія блага ихъ цивилизаціи; поэтому онъ потребовалъ отъ нихъ печатниковъ, мастеровъ и размысловъ-инженеровъ. Этимъ путемъ обычно идутъ отсталые народы, которые торопятся наверстать упущенное время. Вспомнимъ о Японіи. Но, конечно, усвоенная такимъ образомъ культура остается искусственной и поверхностной. Въ этомъ мы убѣждаемся на примѣрѣ современной Россіи.

Обвинители Грознаго готовы были отрицать за нимъ всякую оригинальность. По ихъ мнѣнію, онъ только шелъ по слѣдамъ своего дѣда, Ивана III, да и то не обнаруживалъ здѣсь достаточной ловкости. Защищаясь противъ литературной оппозиціи, онъ прибѣгалъ, будто бы, къ готовымъ теоріямъ и къ идеямъ, заимствованнымъ изъ прочитанныхъ книгъ. Между тѣмъ, боярство уже раньше лишилось своихъ историческихъ прерогативъ; государственная власть еще до Грознаго пыталась опереться на новыя соціальныя группы. Если же Иванъ и попробовалъ организовать самоуправленіе общинъ, то и въ этомъ онъ воскрешалъ лишь порядки далекаго прошлаго. Наконецъ, даже въ пониманіи своей личной роли, Грозный, будто бы, слѣдовалъ только завѣтамъ священнаго писанія. Мнѣ хотѣлось бы напомнить этимъ чрезмѣрно суровымъ судьямъ, что ничто не создается изъ ничего. Развѣ Наполеонъ только изъ собственной головы почерпнулъ содержаніе своего Кодекса? Впрочемъ, обличители Грознаго готовы признать крупное положительное значеніе за тѣми преобразованіями, которыя были совершены въ первые годы царствованія. Однако, всю заслугу въ этомъ случаѣ они относятъ на счетъ приближенныхъ царя. Мы спрашиваемъ ихъ, потрудились ли они прочитать въ книгѣ Стоглаваго Собора 37 вопросовъ, касающихся церковнаго строя, и 10 законопроектовъ, относящихся къ государственному порядку? Будь такъ,—они согласились бы, что авторъ этихъ стра-

ницъ—одно лицо съ оппонентомъ Курбскаго. Между тѣмъ, когда Иванъ писалъ своему бѣглому вельможѣ, Адашевѣ и Сильвестрѣ были уже далеко. Мы говоримъ о тождествѣ не только духа, но и стили этихъ произведеній; а на стилѣ Ивана лежитъ яркій личный отпечатокъ. Несомнѣнно, въ созданіи опричнины ни Адашевъ, ни Сильвестръ, ни Курбскій не играли ровно никакой роли; между тѣмъ, опричнина составляетъ одно цѣлое съ реформами 1551 года. Я уже старался показать это выше. Такимъ образомъ, очевидно, что бюграфы Грознаго совершенно не понимаютъ опричнины, разъ они отказываютъ Ивану въ томъ, что признаютъ за его сотрудниками. Повторимъ свою мысль, высказанную въ введеніи: Петръ Великій не ошибался, когда называлъ себя только продолжателемъ дѣла.

Иванъ былъ первымъ русскимъ царемъ. Мы утверждаемъ это не потому лишь, что онъ первый принялъ царскій титулъ; мы хотимъ сказать, что Грозный первый понялъ реальную силу своего сана. Конечно, теорія единодержавной власти была готова еще до него: въ московской литературѣ, начиная съ XV вѣка, она развивалась достаточно ясно и полно. Однако ни Василий, ни Иванъ III Великій не задумывались надъ ея конкретнымъ смысломъ. Они были далеки отъ представленія о государѣ, которому Всевышній вручилъ его власть, и который несетъ отвѣтственность лишь передъ однимъ Богомъ за пользованіе своими сверхъ-человѣческими правами. Разумѣется, такой государь совершенно свободенъ отъ какихъ-либо обязательствъ по отношенію къ своимъ сотрудникамъ; его дѣйствія не подлежатъ никакому контролю. Онъ воплощаетъ собою божественный разумъ и волю Господа.

Впрочемъ, въ эту теорію Иванъ внесъ извѣстный субъективный элементъ. Его мы не находимъ ни у одного изъ предшественниковъ Грознаго; мало того, онъ не встрѣчается нигдѣ и у его преемниковъ. Петръ Великій, напримѣръ, считалъ себя первымъ слугою государства. Напротивъ, Иванъ разсматриваетъ личность государя, какъ нѣкую божественную вѣстасъ; въ его глазахъ монархъ стоитъ выше своей державы. Въ своихъ оскорбительныхъ посланіяхъ къ Баторію Грозный заявляетъ, что ему извѣстно, какъ должно почитать величіе властителей: величіе—это держава, а выше и больше державы—самъ государь, который ею повелѣваетъ. (Ср. грамоту, данную Поссевину въ сентябрѣ 1581 года, Памятники дипломатическихъ сношеній X, 223). Польша побѣдила; такимъ образомъ Московское государ-

ство вынуждено принять ея требованія; но царь не хочет подчиниться подобной необходимости: онъ паритъ въ какой-то высшей сферѣ, гдѣ никто и ничто не можетъ посягнуть на его достоинство. Безспорно, это очень тонкое разсужденіе: конечно, оно продиктовано было не столько логикой, сколько непосредственнымъ чувствомъ. Впрочемъ, идеи и чувствованія Ивана такъ часто смѣшиваются, что необходимо подвергнуть ихъ хотя бы бѣглому анализу.
